

Независимая - 2001 - 24 дек - с. 15

Джульетта и духи памяти

В Москве открылась мемориальная квартира Галины Улановой

Майя Крылова

Уланова умерла в 1998 году, не написав завещания. Но ее близкие знали: она хотела, чтобы ее квартира в высотном доме на Котельнической набережной была живым местом, куда могли бы приходить и общаться люди. Прямо написать «хочу, чтобы в моем доме был музей» Галина Сергеевна считала неудобным. Может быть, поэтому и не оставила официальных распоряжений.

История создания мемориала достаточно драматична. Уланова мечтала отдать квартиру Большому театру. Это было устное пожелание, неоднократно высказанное многим, в том числе тогдашнему директору Большого и близкому другу Улановой Владимиру Васильеву. После кончины Улановой по инициативе Васильева была создана государственная комиссия по наследию. Через полгода в запечатую квартиру вошли нотариус и налоговый инспектор, а потом – рабочая группа экспертов и архивистов. В какой-то момент выяснилось, что театр (к тому времени Васильев уже не руководил Большим) не хочет взять на себя почетную, но материально и морально обременительную ответственность, рассудив, что каждый должен заниматься своим делом и что содержать мемориальную квартиру – для ГАБТа дело непрофильное, больше подходящее профессиональным музейщикам. В какой-то момент квартира чуть было не отошла сильно заинтересованному государству, чтобы впоследствии быть проданной с молотка какому-нибудь «новому русскому». К счастью, энтузиазм друзей Улановой не позволил такому случиться, и в конце концов мемориал – в качестве филиала – взял на баланс Театральный музей имени Бахрушина. Один Бог знает, каких усилий стоило заведующей музеем Татьяне Касаткиной – давнему другу и душе-

приказнице Улановой – добиться, чтобы в процессе описания имущества ничего не пропало. Ювелирные изделия, ордена и медали, все драгметаллы, вплоть до золотых рамок на гравюрах, оценили эксперты Оружейной палаты, и ценности увезли на спецхранение в Бахрушинский музей. Все остальное пришлось срочно упаковывать (в доме затеяли менять трубы, которые здесь, как во многих сталинских домах, проходят внутри стен), а потом заново клеить обои (к счастью, остался запас от Улановой) и устанавливать мебель так же, как при владелице (перед ремонтом сделали видеозапись).

В этой квартире она жила с 1986 года. К тому времени в прошлом были ее замужество с Юрием Завадским, гражданские браки с Иваном Берсеневым и Вадимом Рындиным. Кстати, легенда о том, что в сороковые го-

ди «Павлова», что-то из «Нивеи», недорогой швейцарский шампунь, все можно приобрести в любом магазине. Зато в комнатах старинная мебель, часть ее Уланова привезла еще из Ленинграда, и давние гости квартиры помнят ярлычки – свидетельство того, что шкафы и стулья куплены на распродажах обстановки Зимнего дворца, затеянной большевиками после революции. Глаза разбегаются от обилия интереснейших предметов. Вот фотография Улановой, стоящей в Вероне под так называемым «балконом Джульетты». На стене – рисунок Александра Бенуа: Венеция, площадь Сан-Марко. Под стеклом в витрине – английская статья 1956 года, когда балерина триумфально танцевала в Великобритании: «Сегодня вечером королева увидит Уланову в балете Большого театра». Рядом – письмо Пастернака

ним столиком, на нем пропуск в Большой театр от 1949 года за подписью генерала Власика, начальника охраны Сталина. Еще одно письмо, от зарубежной поклонницы Эвелины Курнан, дочери миллионера. В свое время она отдала нашей стране уникальную коллекцию живописи (Ларионов, Гончарова, Бакст и другие) лишь потому, что (цитирую письмо) «Россия подарила миру Галину Уланову». Писем (особенно пронзительны послания с фронтов Отечественной войны) в архиве Улановой очень много, с ними еще предстоит работать. Сотрудники музея хотят подготовить книгу документов и воспоминаний о балерине, чтобы прекратить поток домыслов. Достаточно вспомнить «ужасистики» Андрея Караулова о том, что после смерти труп Улановой якобы четыре дня лежал в пустой квартире.

Ей дарили уникальные вещи – портсигар Шаляпина с его автографом, женскую скульптурную головку, найденную у кровати умершей Анны Павловой (та увлекалась лепкой), бисерный кошелек, принадлежавший Марии Тальони – легендарной балерине эпохи романтизма, первой в истории балета вставшей на пуанты.

Уланова тоже любила дарить. Например, своей ученице Екатерине Максимовой она подарила молоток, которым разбивала носки пуантов, чтоб не гремели. Теперь Максимова вернула подарок в музей-квартиру.

Вещами Уланова не особо увлекалась, они имели для нее значение лишь как память о пережитом. Поэтому наряду с раритетами в квартире полно аляповатых плюшевых игрушек, которые поклонники любят навязывать любимым артистам, словно малым детям. Среди них здоровенный Микки-Маус, который Улановой не нравился (она говорила: «вот дурак сидит»), но это была память об американской девочке, от души подарившей балерине куклу в Америке... ■

Вещи имели для нее значение лишь как память о пережитом

ды партия и правительство насильно перевели Уланову из Кировского театра в Большой, верна лишь отчасти. Уланова все равно переехала бы в Москву, потому что перед войной официально вышла замуж за москвича Завадского и сначала жила у него на улице Горького.

Четырехкомнатная квартира на Котельнической условно поделена на две части – мемориальную (спальня, гостиная, библиотека, она же кабинет) и экспозиционную. Места сотрудников музея и музейный компьютер размещаются на кухне – больше нигде. Все сохранено, как при Улановой. Даже в ванной на полке стоят ее банки-склянки, ничего дорогого и эксклюзивного – защитный крем для рук, ду-

1945 года: «Вы большая-большая артистка, и я все время с мокрым лицом смотрел Вас вчера в «Золушке». Так действует на меня присутствие всего истинно большого рядом в пространстве. Я особенно рад, что видел роли, которые наряду со множеством других образов мирового вымысла выражают чудесную и победительную силу детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты».

Уланова любила фильмы с Гретой Гарбо, в ее библиотеке стопка книг и альбомов о ней, потому что иностранцы, узнав об увлечении, часто присылали ей нужные издания. На стене в гостиной – литография Марка Шагала с дарственной надписью автора. Трюмо с гримироваль-

Первые посетители.

Фото Владимира Чобан-Заде